

Глава 1

УРАГАН

В наше время мудрость нужна не затем, чтобы знать всё, но чтобы сознательно ограничивать себя в излишнем знании.

Академик Сарданапал

Трижды Таня с усилием отрывалась от подушки и трижды вновь падала в неё лицом, как раненый боец. Наконец после долгой борьбы с подушкой Таня села на кровати и стала собираться с духом, чтобы рывком втолкнуть себя в наступающий день.

Когда ей это удалось, она бросила взгляд на грифельную доску, висевшую на стене над скелетом Дырь Тонианно — в единственном более-менее свободном

месте, куда ещё можно было что-то приткнуть. С виду это была небольшая, довольно заурядная доска чёрного цвета с заметными меловыми разводами — «размазюками».

Вечером Таня всё с неё стирала, однако с утра доска всегда оказывалась исписанной чётким и властным почерком Медузии. «Контроль. Последовательность. Порядок» — таков был девиз доцента Горгоновой, которому она следовала всегда и везде.

Сегодня доска сообщала:

Магспирантка Гроттер!

Напоминаю, что у Вас дополнительные занятия с третьим курсом по теме «Мистическая анатомия дождевых червей и её индивидуальные особенности». Постарайтесь, чтобы половина лекции не прошла в поисках ключа от аудитории, как это случилось в прошлый раз.

Теперь по поводу Вашего личного учебного графика. Завтра в одиннадцать утра Вы должны явиться для занятий ратной магией у академика Сарданапала. Они будут проходить в Битвенном Зале при кузне домовых.

В остальное время — обучение по индивидуальной программе.

С надеждой, что со временем у меня появится возможность уважать Вас за пока отсутствующие деловые качества,

доц. Медузия Горгонова

Таня перечитала объявление трижды, прежде чем решилась поверить своим глазам. Она не так давно сдавала историю чародейства и не успела забыть, что ратная магия была строжайше запрещена на третьем конгрессе магов в Баден-Бадене в июле 1791 года. Очень сомнительно, чтобы Медузии Горгоновой не было об этом известно.

Испытывая потребность обсудить с кем-нибудь эту малопонятную ситуацию, Таня отправилась к Ягуну. Играющего комментатора она застала в трепетный период между последним сном и первым осмысленным утренним поступком. Пока же сплошняком шли неосмысленные.

Ягун бегал по комнате с трубой от пылесоса. Увидев Таню, он остановился и с немалым трудом придал лицу благопристойное выражение.

— Знаешь, что я понял? Пылесос — грозное оружие пехоты наряду с сапёрной лопаткой! Труба как шест, а сзади хорошенький такой довесок на гибком шланге. Вдарить — так все звёздочки в кучку соберутся, — пояснил он.

— Ягун, ты кукукнулся? Ты в курсе, сколько тебе лет? — мягко поинтересовалась Таня.

Внук Ягге вздохнул, из чего Таня заключила, что он в курсе.

— Ты не представляешь, как сложно мужчине притворяться взрослым скомпенсированным человеком! Как это противно, тягостно и глупо обманывать окружающих, а со временем и самого себя! Следующая стадия взрослости — это надеть костюмчик и навек

замуровать себя в каком-нибудь тухлом офисе, где оптом торгуют ступами, гвоздодёрами для мертвецов и осиновыми кольями!

— Возьмут тебя в офис! Держи карман шире! Максимум в магазин игрушек — качаться на лошадаках! — заявила Таня.

Ягун с сожалением поставил трубу от пылесоса в угол и вытер ладони о штаны.

— Кстати, а это мысль! Магазин игрушек для взрослых деток и прочих ненормальных! Я бы не отказался! А вообще я тут прыгал и думал: страшно представить, под каким прессом социума в наше время человек находится. Оставляют тебе узкий коридорчик «нормального» поведения, а за любой шаг вправо или влево дают по физиономии. А мне, может, тесно в этом коридорчике!

— Ты о чём?

— Ну смотри! Вздумай я, к примеру, гоняться с трубой от пылесоса за людьми на улице или хотя бы безобидно целовать всех прохожих, говоря каждому, как я его люблю, меня мигом упрячут в психушку. Разве это честно? — капризно спросил Ягун.

Поразмыслив, Таня согласилась, что по отношению к нему даже запрет на игру с погремушками во взрослом возрасте — страшное преступление. Она оглянулась на дверь, где у Ягуна висела такая же грифельная доска, как у неё. С доски всё уже было стёрто, хотя подпись Медузии частично сохранилась.

— Ты способен хотя бы пять минут не хохмить? Ты читал про ратную магию завтра в одиннадцать?

— А-а-а! Так у тебя тоже! — кивнул Ягун.

— Что значит «у тебя тоже»?

— Ну эта штукавина! Лоткова вообще в шоке. Утверждает, что ратная магия — это без пяти минут некромагия. Типа, поди пойми, где заканчивается самый большой нож и начинается самый короткий меч. А мы-то все белые! Хотя, если честно, я рад. Сколько лет проучились, а кроме «Искриса фронтиса» и всяких там «*трых-ты-ты-тыхсов*», ничего атакующего не знаем! Позорище!

Таня посмотрела на часы.

— Сейчас же только девять. Разве Катя уже проснулась? — усомнилась она.

Ягун погладил себя по чёлочке. Его довольно длинные волосы раздвинулись, и оттуда помидорной зрелостью полыхнуло большое багровое ухо.

— Скажем так: ей помогли! Кто-то феноменально заботливый и настолько же милый! Получить от меня вопль в ухо и то приятно!

— Ты её разбудил?

— А что прикажешь делать? До одиннадцати утра Катька на автопилоте. Специально для неё я изобрёл новый напиток — чаекоф. И даже, заметь, не в честь композитора! — похвастался Ягун.

— Чае... что?

— Так и быть, дарю. Однажды у меня одновременно закончились чай и кофе. Того и другого осталось по половине ложки. Казалось бы, безнадёга, но тут у меня в мыслях обнаружилось некое шевеление гениальности. Описать невозможно, но все истинные

гении меня поймут. В общем, мамочка моя бабуся, я пораскинул мозгами, ссыпал всё вместе, перемешал, и у меня получился отличный чаекоф!

— Да, ты у нас известный Чай Кофыч Чифирькин, — согласилась Таня, которой хотелось говорить о ратной магии... — Ты в курсе, что все атакующие заклинания сильнее «фронтиса» запрещены?

— Ясный перец! — жизнерадостно согласился Ягун. — И это лично мне нравится больше всего. Никогда бы не подумал, что наш мирный Сарданапал владеет чем-либо, кроме секрета быстрого приготовления сосисок путём щекотания ноздрей дракона облысевшим веником!..

Случайно бросив взгляд на стол Ягуна, Таня обнаружила конверт со знакомым штампом купидоньей почты в форме пробитого стрелой сердца. Этот значок Ягун насмешливо называл «сердцем курильщика». Адрес на конверте был надписан почерком Ваньки. Конверт вызвал у Тани ревнивый осадок — ей Ванька писал последний раз неделю назад.

— Как он там? Что нового? — спросила Таня.

Должно быть, в голосе у неё невольно проскользнула обида, потому что в волосах она ощутила лёгкое вопросительное щекотание.

— Перестань! — сердито сказала она Ягуну.

— Да не дуйся ты! Чего тут непонятного? Тебе Ванька не написал, потому что постоянно в дороге. Устаёт как собака. На большое и подробное письмо у него нет времени. Мне же пару строк черкнул, и ладно. Я же от него всяких глубинных чувствований не требую.

— А я что, требую? Да я у него вообще ничего не требую!!! — рассердилась Таня.

Ягун лягнул ногой диван:

— Тьфу ты! Опять не то сказал! Проще разговаривать с дюжиной глухих, чем с одной внешне нормальной девушкой!

— Почему это?

— Вы все покусаны взбесившимся испорченным телефоном! Что девушке ни скажешь, она или не то поймёт, или не то услышит, или не то ответит! Да всё в порядке с твоим Ванькой! Любит он тебя!

— Это он тебе сказал, что любит? — уточнила Таня.

— Опять двадцать пять! Да не говорим мы с ним об этом! Любовь вообще не мужская тема. Мы говорим о любви, только когда тема о пылесосах совсем иссякнет. Но в моём случае она иссякнуть не может, — заверил её Ягун.

— Откуда же ты знаешь, что он любит, если вы говорите только о пылесосах? — язвительно спросила Таня.

Ягун шагнул к ней и взял её за горло.

— Ну всё, Гроттер! После знакомства с тобой выражение «Нет ума — считай, калека» я воспринимаю исключительно в медицинском смысле! Моё терпение иссякло! Не перестанешь ехидничать и обижать Ваньку, я удушю тебя, как слон моську! — предупредил он.

— Разве он её удушил? — прохрипела Таня.

— Да. Хоботом. А потом ещё чуток на ней попрыгал. Но об этом басня умалчивает, потому что

началось это сразу после морали! Ну что, перестаёшь ехидничать?

Не имея возможности сказать, Таня покорно кивнула, и Ягун отпустил её.

— Что пишет Ванька? Ещё не нашёл многоглазку? — спросила Таня, растирая шею.

Играющий комментатор мотнул головой. Вот уже месяц, как Ванька скитался, отыскивая многоглазку подземную. Уникальность многоглазки состояла не только в её способности вновь возжигать пламя в угасших драконах, но и в том, что на всей территории России существовало всего одно такое растение.

Единственное описание многоглазки затерялось в средневековом лечебнике мага Аббакума Вытянутого. Лекарь утверждал, что отыскать многоглазку в сотни раз сложнее, чем цветы папоротника. Многоглазка подземная показывается исключительно ночами, боясь лучей солнца. При свете луны она выбрасывает сотню невзрачных колокольчиков, которые дрожа пьют лунный свет. Едва горизонт начинает светлеть, многоглазка втягивается в землю и на другую ночь появляется в другом месте, часто за сотни километров от вчерашнего. И так каждый день. Зима или лето — ей безразлично. Холодов и снега она не боится.

Лишившись не так давно своего пылесоса, Ванька гонялся за многоглазкой на одном из старых пылесосов Ягуна, но она пока успешно ускользала.

Таня с нежностью думала о нём. Ванька есть Ванька. То сиднем сидит у себя в глуши, то вдруг сорвётся — ничем не остановишь. В тайгу — так в тайгу, голодать — так голодать, спать на земле — так спать

на земле. И делается это без ложного героизма, с сознанием того, что всё происходящее послано свыше и так должно быть.

Глубинной, внутренней, неспешной силы у Ваньки всегда было гораздо больше, чем у Бейбарсова или Ягуна. Таня постоянно ощущала в Ваньке ровный огонь — внешне неброский, почти незаметный, без искр, без внезапных сполохов, без дыма красивых слов.

Нужно было драться на дуэли с Пуппером — дрался, хотя и попал в Дубодам. Сказал, что не останется в магспирантуре, — не остался. Даже Глебу он всегда спокойно бросал вызов, хотя их магические силы были несопоставимы. Громадные, направленные на авантюры и разрушение силы Бейбарсова — силы некромагии и смерти, и скромные, но созидательные и исцеляющие силы Ваньки.

Нет, всё-таки она сделала правильный выбор, хотя сердце порой и гложет... Любовь — это аскеза, нежность и жертва. Все прочее любовью не является и лишь пакуется с ней в один пакетик для опошления торговой марки. Как жаль, что Бейбарсов никогда не мог этого понять...

Таня очнулась, только когда Ягун замахал перед её глазами ладонью:

— Эй! Ау! Которые в астрале: как слышите меня? Приём!

— Чего тебе? — спросила Таня недовольно.

— О чём ты сейчас думала? Смотришь в стену, а я до тебя целую минуту доораться не могу! Пытаюсь подзеркалить — стена стеклянная. Лазеек нету... Ну всё, брысь! Я сейчас комбинезон примерять буду!